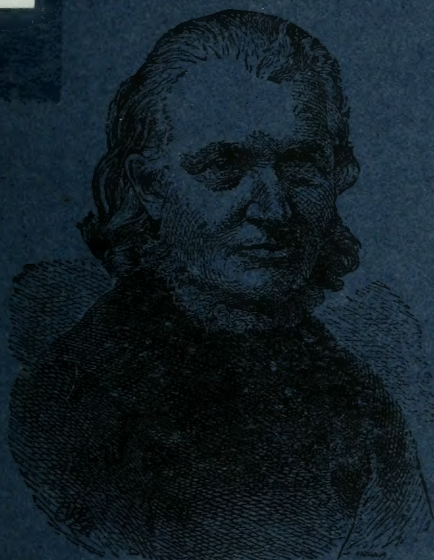

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.

(Иванъ Нумовичъ 1873 года).

ГОРИТЪ

РАЗСКАЗЪ

Накладомъ Книгопечатни им. Ивана Нумовича

Нью-Іоркъ, 1919 г.

ПИСЬМА (СОЧИНЕНІЯ) ИВАНА НАУМОВИЧА.

КРѢСЛАТІИ ТОПОЛѢ. Повѣсть написанная Иваномъ Наумовичемъ. Дуже интересная повѣсть, якъ для простонародія, такъ и нтеллигенціи, и священниковъ дуже поучительная. Начавши ей читати неможъ одъ ней одорватись щобъ не прочитати цѣлой. Цѣна дуже приступна и за такую книжку прямо низька, бо только ..... **20 ц.**

ГОРИТЪ. Розсказъ Ивана Наумовича. Очень поучительная, интересная и патріотическая книжка для народа. Сотни примѣровъ у ней якъ народъ може достигнути своихъ намѣреній и желаній и якъ долженъ поступати щобъ не остати по заду другихъ народовъ и поняти силу просвѣщенія. Цѣна ей всего .... **20 ц.**

Портретъ Ивана Наумовича 9×12 величины .. **10 ц.**

БІОГРАФІЯ (жизнеописаніе) Отца Ивана Наумовича. Содержитъ [illegible] портретовъ въ [illegible] Наумовича и [illegible]: 1. Памяти Ивана Наумовича (стихъ) І. Н. Л.; 2. Учитель и Просвѣтитель Прикарпатской Руси; 3. Ниво наша дорогая (стихъ) И. Ф. Федорички; 4. Сонъ)фантазія) Памяти И. Наумовича. Ст. Шаха; 5. «Молись, учись, трудись, трезвись!» (стихъ) Ив. Ф. Федорички; 6. Наставленіе земледѣльцамъ. (Заповѣди Ивана Наумовича). Цѣна всего .... **25 ц.**

БИБЛІЯ старого и нового завѣта, друкована кириллицею, часть 1 и 2. Мѣститъ въ собѣ 44 образки. 320 страницъ. Въ хорошой оправѣ **1.50**

КНИЖКА о герою и защитнику русскаго селянства **Олексѣ Довбушѣ. Написалъ О. А. М-въ.** **0.10**

Карта (мапа) Прикарпатской Руси, въ двохъ примѣрникахъ на русскомъ языкѣ .... .25

ГОРИТЪ!

(Разсказъ Ивана Наумовича).

— Прокопъ, Прокопушка, вставай, побойся Бога! Слышишъ звонъ? Въ набатъ ударили, пожаръ на селѣ! — крикнула Маланья на своего мужа, который, вернувшись домой наканунѣ поздно ночью, храпѣлъ еще на постели, хотя солнце поднялось уже довольно высоко на небѣ.

— Вставай, вставай! — закричала она опять на него.— Смотри, какъ мужики бѣгутъ по улицѣ съ баграми, съ ведрами! . . . Сначала, говорятъ, огонь вспыхнулъ на дворѣ у Петра Кондоваго. . .

— У кума Петра? Еще, стало-быть, далеко! — проворчалъ Прокопъ впросонкахъ, повернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ.

— Опомнись, что ты думаешь? — принялась тормошить мужа Маланья. — Вѣтеръ на дворѣ порывистый, да еще такая засуха, — не приведи Богъ, половина села сгоритъ, и мы тоже вмѣстѣ съ другими.

— Говоришь ты несообразное что-то, какъ будто на селѣ никого ужъ нѣтъ, кромѣ меня одного!

При этихъ словахъ онъ надвинулъ полу армяка себѣ на голову, чтобъ укрыться еще потеплѣй.

Пожаръ межъ тѣмъ все усиливается и растетъ, захватываетъ все большее пространство. Народъ бѣжитъ на пожаръ со всѣхъ сторонъ. Сосѣдъ Тимоѳей Ивановъ, поспѣшая туда же, завернулъ въ избу Прокопа, увидѣлъ его спящаго и крикнулъ:

— Вставай, Прокопъ, живѣй, не досугъ спать! Бери ведра и бѣги! Пожаръ распространяется. У Петровыхъ весь дворъ сгорѣлъ до тла. Загораются другіе дворы; горитъ уже Захаръ, Степанъ. . . .

— Господи, спаси и помилуй! — говоритъ Прокопъ. — Я, братецъ не могу встать, не въ силахъ: всего разломило, голова трещитъ, не могу раскрыть глазъ и поглядѣть на свѣтъ Божій! . .

Огонь распространяется все больше да хуже. Народу сбѣжалось полная улица, полны огородыкругомъ — и всѣ стоятъ да смотрятъ, какъ горитъ. Кое-кто вишь, немногіе, можетъ-быть, съ десятокъ человѣкъ, кинулись спасать: разломали дверь въ боковушѣ у Захара, вынесли какое было зерно, холсты, одежу, выпустили изъ хлѣва скотину и принялись растаскивать баграми горящія бревна, чтобъ осла-

бить огонь и не дать ему распространяться.

— Еще бы только десятка полтора-два ведерокъ воды, — кричитъ староста, — чтобы залить крышу на сараѣ! Постарайтесь, ребята! Сейчасъ вѣдь, того и гляди, загорится Ивановъ дворъ, а отъ него пропадутъ и другіе.

— Народъ! братцы! кто въ Бога вѣруетъ, помогайте, спасите! — такъ кричалъ Иванъ, а Иванова жена вопила, простирая къ мужикамъ руки: — Кто въ Бога вѣруетъ, люди, братцы, ступайте за водой, сжальтесь!

Но братцы стоятъ, сложа руки, глядятъ, то бишь совѣщаются. А тѣ немногіе, что спасаютъ, обезсилѣли и не могутъ бѣжать за водой.

— Да, это вѣрно, — говоритъ дюжій, среднихъ лѣтъ, мужикъ въ толпѣ: — ежели бъ еще съ десятокъ ведеръ воды, такъ бы пожаръ можно остановить.

— Кабы знать этакъ, стало-быть, напередъ, — замѣчаетъ другой, — что оно, значитъ, такое дѣло выйдетъ, такъ бы не велика важность захватить съ собою ведра, а то вѣдь . . . . .

— Вы что же тутъ стоите да говорите? — прикрикнулъ сотскій. — Ступайте сейчасъ за водой! Разсужденія его тутъ кому-то нужны! Ступай всѣ за водой, маршъ!

— А ты откуда это взялся такой умный, что вздумалъ командовать? Такъ я и сталъ тебя слушаться! Самъ ты отчего же нейдешь? Эхъ, ты, голова!

—Молчи ты у меня, не то . . .

— А ну-ка, сунься, тронь. . . попробуй! Я тоже вѣдь не лыкомъ шитъ! . . . Взялся приказывать!

Такъ они вели себя на пожарѣ. Никто не хотѣлъ итти за водой, а всякій только разсуждалъ, совѣтовалъ или понукалъ другого къ работѣ, а въ это время и сосѣдній Ивановъ дворъ загорѣлся. Подулъ сильный вѣтеръ, полетѣли искры — и въ нѣсколько минутъ пожаръ охватилъ половину села.

Теперь только всталъ и Прокопъ и увидѣлъ самъ, какая бѣда и у него уже на самомъ порогѣ.

— Братцы, — взмолился бѣдняга, — спасайте, защищайте, кто въ Бога вѣруетъ!

Мигомъ выздоровѣлъ, схватилъ ведра и стремглавъ побѣжалъ за водой. Но вѣтеръ еще скорѣй загналъ пламя на его хату. Сгорѣлъ и онъ, а всего сгорѣло дворовъ половина

села.

Сгорѣли они оттого, что слишкомъ долго разсуждали, собравшись около Петровой избы, а потомъ ссорились, и никто не хотѣлъ ни воды носить ни горящихъ бревенъ растаскивать и останавливать пламя; всякій разчитывалъ только на другого: дескать, пускай другой носитъ, другой работаетъ. Нашлось немного такихъ, которые спасали, но они одни не въ силахъ были остановить пожаръ.

Можетъ-быть, я невѣрно говорю, можетъ-быть, такъ не бываетъ? Ежели бъ я, братцы, самъ этого не видѣлъ, такъ бы и писать о такихъ дѣлахъ не сталъ.

А отсюда для насъ и по другимъ дѣламъ урокъ, нравоученіе, притомъ, замѣтьте, большой урокъ, полезнѣйшее нравоученіе.

Загорѣвшееся и горящее пожаромъ село — это вся земля или сторона наша, Галичина, затѣмъ Буковина и Угорская Русь; народъ — это мы всѣ, русскіе, обитающіе въ Австро-Венгерской имперіи; огонь — это ростовщичество и всякіе деревенскіе непорядки, которые разоряютъ и губятъ нашу землю. Они, дѣйствительно, возникаютъ такъ же, какъ пожаръ, отъ неосторожности, иногда отъ нерадѣнія, небрежности; они такъ же распространяются, какъ огонь, такъ же жгутъ и разоряютъ нашу землю, какъ выжегъ половину села этотъ пожаръ.

Была прежде панщина — тогда люди молились: "Господи милостивый, сними съ насъ это ярмо, а ежели не съ насъ, такъ хотя съ дѣтей нашихъ!"

Пришла пора — панщина умерла, ее похоронили и каменною тяжелою плитой могилу ея привалили. Она не воскреснетъ уже вовѣки.

Въ ту пору, какъ пріѣхалъ въ наше село начальникъ и объявилъ, что императоръ Фердинандъ даровалъ всѣмъ крестьянамъ волю, люди плакали отъ радости, а на слѣдующій день пошли въ церковь иотслужили благодарственный молебенъ.

— Дѣтушки, — говоритъ, вернувшись домой послѣ службы, одинъ изъ лучшихъ хозяевъ, по прозванію Михайло Грончакъ, своимъ семейнымъ, — дѣтушки, теперь уже эта святая землица — Божья только да наша; не рабы мы теперь больше польскихъ пановъ, а сами паны. Не будемъ мы боль-

ше съ нынѣшняго дня работать на другихъ а только сами на себя; теперъ легче станетъ и нашей скотинкѣ!

— Всѣмъ легче будетъ, тятенька, — замѣтилъ старшій сынъ его Степанъ. — И святая Церковь возрадуется, что теперь не будемъ мы уже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходить къ пану въ усадьбу на разныя работы да послуги сверхъ панщины: то письма разносить, то дрова возить изъ лѣса или камни съ поля на постройки, то работать на винокурнѣ и проч.

— Правду ты говоришь, — отвѣчаетъ Михайло. — Но помните, дѣтушки, что воля — то же самое, что острый ножъ: разумному человѣку онъ во благо и на пользу, а сумасшедшій, того и гляди, порѣжетъ имъ себѣ руки или даже совсѣмъ зарѣжется...

Такъ говорилъ Михайло, но сосѣдъ его Алексѣй не такъ разсуждалъ и иное дѣлалъ.

Какъ только уѣхалъ чиновникъ, объ являвшій волю, въ другое село, Алексѣй созвалъ сейчасъ своихъ друзей-пріятелей, и пошли они всѣ — обливать волю въ кабакъ. А обливали они ее не день и не два, но больше двухъ недѣль, а въ теченіе цѣлаго года корчма была биткомъ набита народомъ; всякій пользовался волей — пилъ гулялъ; а напившись и погулявъ, спалъ себѣ тоже вволю...

— Давай выпьемъ, Гриша, давай выпьемъ, Васюха! Кому до насъ какое дѣло?! Покуда мы были крѣпостные, насъ гоняли работать на панскомъ полѣ, а теперъ мы сами панами стали! А ну-ка налей намъ, Мошка, за здоровье всей громады. Всей громадѣ здравствовать дай, Боже! Всей, всей здравствовать!.. А ну-ка, еще дай! Не жалѣй ты намъ Мошка!..

И такъ гуляли мужики всякій день съ утра до вечера. Выпьютъ проклятой сивухи одну бочку — привозится другая. Иначе никакъ невозможно: все село празднуетъ волю!... Одинъ только Михайло не ходитъ въ корчму вмѣстѣ съ другими но, смотря со стороны на то, что дѣлается, грустно качаетъ головой и говоритъ, придя, домой, своимъ семейнымъ:

— Вспомните вы мое слово, дѣтушки, что эта воля погубитъ нашихъ мужиковъ! Какой прокъ можетъ выйти изъ воли, когда въ людяхъ нѣтъ ума и порядочности?

На слѣдующій годъ въ деревнѣ вопли и стоны, что все плохо родилось что надобно ждать голодовки. Не во время посѣяли, плохо воздѣлали пашню. — какая была работа, такая и награда. Пришла весна: нѣтъ ни хлѣба ни сѣмянъ! Во время панщины былъ въ селѣ запасный хлѣбный магазинъ, куда крестьяне ссыпали зерна на сѣмена. Бывало, всякій по осени везетъ хлѣбъ въ магазинъ и ссыпаетъ тамъ, сколько положено какого, въ закромъ; панскій приказчикъ все это принималъ и записывалъ. Теперь, какъ пошла ужъ воля,— по всемъ! Когда пришла осень, мужикъ все то, что долженъ бы доставить въ магазинъ, занесъ къ Мошкѣ.

Не ссыпали ничего въ магазинъ два года, и такъ какъ онъ стоялъ на помѣщичьей землѣ, то панъ велѣлъ его снести. Тѣмъ временемъ урожаи у крестьянъ съ каждымъ годомъ все хуже да хуже, весеннія голодовки все тяжелѣе, закладовъ у Мошки все больше; въ концѣ второго года начинаетъ уже Мошка засѣвать крестьянскія пашни и косить сѣнокосы за долги.

Говоритъ Михайло своимъ дѣтямъ:

— Смотрите, до чего довело воля безъ ума!...

Между тѣмъ какъ другіе хозяева на волѣ становились бѣднѣе, Михайло богатѣлъ. Однажды вышли крестьяне изъ церкви, собрались въ кучу и стали держать совѣтъ о дѣлахъ своей громады, то-есть общества. Староста объявилъ, что на этой недѣлѣ всѣ подати должны бытъ собраны.

— Не приложу ума, — заговорилъ въ толпѣ одинъ мужикъ, — гдѣ мы возьмемъ столько денегъ на эти подати? Грабежъ — да и только! Въ прежнее время и наполовину того не брали, что теперь берутъ!

— Правда, — возразилъ Михайло:— прежде мы меньше вносили казенной подати, да зато десять разъ столько, если не больше, уплачивали работой пану-помѣщику за ту землю, которою теперь владѣемъ. Послушайте, братцы, моихъ словъ, потому что я хочу сказать вамъ кое-что по-братски, отъ чистаго сердца. Теперь подать больше — это вѣрно, но еже-ли бы не было другой подати, кромѣ этой казенной, такъ хлопотъ съ нею было бы немного. Но мы платимъ другія подати, гораздо болѣе тяжелыя. Итакъ во-первыхъ: со своей лѣности мы платимъ втрое большую подать, чѣмъ казенная...

— Ну, нѣтъ, это ты ужъ дѣло говоришь, Михайло, — перебилъ его Мартынъ: — кто платитъ подать съ лѣности?!

— Ты самъ платишь, Мартынушка! — отвѣчаетъ Михайло. — А ну-ка, давай сочтемъ: сколько дней въ теченіе года ты просидѣлъ совершенно даромъ въ своей избѣ съ трубкой въ зубахъ, ровнехонько ничего не дѣлая? Сколько дней ты просидѣлъ въ корчмѣ, сколько въ городѣ, да все безъ нужды и надобности? Развѣ это не тѣ же деньги? Зовутъ къ помѣщику въ усадьбу на всякую работу, — никто не хочетъ итти, хоть плата не дурная; развѣ это не убытокъ? У меня всякій день на счету; мои молодцы и я самъ, какъ только дома нечего дѣлать, отправляемся на заработки. А тебя никакая нужда не заставляетъ работать; подвыпивъ въ корчмѣ, ты говоришь: я, дескать, свое отработалъ! Всѣ подобные пустые разговоры сами по себѣ уже подать! Вторая подать берется съ легкомыслія, а третья съ глупости. Скажите сами, земляки: не правду ли я говорю? Ежели бы тебѣ въ раскладкѣ написали вдвое большую подать противъ той какую брали прежде, ты бы сейчасъ вскипѣлъ и сталъ жаловатся на „грабительство", на „тяжкую обиду". на то,что житья, дескать, не стало „отъ всякихъ поборовъ". А на тѣ подати, которыя мы сами на себя накладываемъ, никто изъ насъ не обращаетъ вниманія. Я подсчиталъ, что самую большую подать мы платимъ съ легкомыслія и глупости. Не вѣрите? Ну, такъ потрудитесь счесть сами! За содержаніе корчемъ Мошка платитъ въ годъ 3.000, а всѣ казенныя и земскія подати съ нашего села составляютъ только 2.000. А чтобы выручать свои деньги и имѣть барыши, Мошка долженъ продать водки, по самой меньшей мѣрѣ на 6,000. Община, бросающая 6,000 гульденовъ на пустяки,— не бѣдная община, и не къ лицу ей жаловатся на слишкомъ большія подати если втрое большую подать она несетъ въ кабакъ!.. Кто куритъ трубку не въ мѣру — тоже налагаетъ на себя подать. Я вовсе некурилъ трубки, когда не имѣлъ денегъ; теперъ у меня, слава Богу, есть деньги, и я курю себѣ въ мѣру, не слишкомъ много. Такъ-то, братцы, любезные односельчане, не дешево стоитъ легкомысліе; оно составляетъ подать втрое больше казенной! Ежели бы вы бросили пьянство съ того времени, какъ уничтожена панщина, какое богатое было бы теперь наше село! Всякій день

заработаешь, принесешь немного деньжонокъ домой, — береги ихъ, спрячь и прибавъ къ другимъ; праздники празднуй не въ корчмѣ, а въ церкви; ребенка крести по-божески, а не по закону сатаны — пьянствомъ; свадбу справляй тоже какъ слѣдуетъ, по-христіянски, — не ходи, не кланяйся жиду-кабатчику и жидовкѣ, корчму обходи издали: тогда, повѣрь, дѣла твои пойдутъ хорошо, вся жизнь станетъ другая! Теперь, братцы, почтенные хозяева, послушайте, будьте снисходительны, что я долженъ сказать вамъ насчетъ третьей подати тоже большой, даже самой большой изъ всѣхъ, — той, которую мы платимъ со своей глупости (извините мнѣ это слово!). Имѣемъ глаза, но ничего ими не видимъ; имѣемъ уши, да ничего ими не слышимъ; имѣемъ языки, да все на пустыя рѣчи, не на разумныя... Не правду ли я говорю? Ей-Богу, чистую, настоящую правду, — смѣло въ томъ могу побожиться! Мы своими глазами смотримъ на то, какъ панъ, бывшій помѣщикъ нашъ, нанялъ землекоповъ, вырылъ ровы на лугу, осушилъ свои сѣнокосы, и теперь у него и сѣно, и отава — стогъ при стогѣ, а у насъ на сѣнокосахъ по колѣно воды! . . .

— Другое дѣло помѣщикъ! — возражаетъ Мартынъ. — У него есть деньги на наемку рабочихъ, а у насъ нѣтъ! . . .

—Такъ точно: на наемъ землекоповъ нѣтъ, а пьянствовать въ корчмѣ есть. . . Но развѣ у насъ не такія же руки, какъ у землекоповъ? Какъ вамъ кажется, напримѣръ, такая затѣя: будь староста человѣкъ толковый, распорядительный, прикажи онъ домохозяевамъ, чтобы всякій вырылъ противъ своего сѣнокоса канаву такой-то ширины и глубины, и они бы, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ корчмѣ, одинъ за другимъ отправились на лугъ съ заступами, выкопали канаву и спустили воду, — плохое ли бы это вышло дѣло? Вѣдь если бы наши сѣнокосы были сухи, не на тысячи ли увеличился бы сборъ сѣна съ нихъ? На все это мы смотримъ своими глазами и ничего не замѣчаемъ — точно слѣпые! Землица наша содержитъ въ себѣ, въ своихъ нѣдрахъ, чистое золото, настоящіе червонцы, имперіалы, да что въ томъ ползы, когда мы не хотимъ поработать заступомъ, чтобы добыть ихъ оттуда, вытащить наружу? Ну, не глупцы и не слѣпцы ли мы въ самомъ дѣлѣ? Или, вотъ, возьмемъ другой примѣръ. Не ходимъ ли мы по во-

скреснымъ днямъ и праздникамъ въ церковь, не видимъ ли, какъ батюшка, нашъ духовный отецъ, вырастилъ себѣ изъ зернышекъ да изъ косточекъ прекрасный садикъ, съ котораго теперь получаетъ уже большой доходъ за груши, яблоки и сливы? А намъ все-таки и на умъ не приходитъ посадить себѣ тоже этихъ зернышекъ, а какъ выростутъ, отправиться къ батюшкѣ и попросить: покажите, молъ, намъ, батюшка, какъ вы эты деревцы прививаете окулируете, въ какое мѣсто, куда, въ какое время? Не хвастовски сказать, и я вырастилъ уже себѣ садикъ, и я уже получаю порядочныя деньжонки за свои садовые плоды или "фрукты," когда выдается на нихъ хорошій годъ. А мои любезные односельчане, не во гнѣвъ имъ будь это сказано, — хорошо, если который выкопаетъ грушку-колючку дикую гдѣ-нибудь въ оврагѣ или лѣсу, принесетъ домой и посадитъ ее у себя на дворѣ, какъ придется: пусть де растетъ себѣ, благо немного мѣста занимаетъ. О правильномъ уходѣ за деревцомъ никто не заботится, потому что мы думаемъ: "Я мужикъ, не мнѣ кушать хорошее, сладкое яблоко, — будетъ довольно съ меня и кислицы!" О слѣпой, темный народъ! Въ корчмѣ, налопавшисъ проклятой сивухи, мужичонко нашъ храбрится и говоритъ: "Что ..мнѣ панъ! нынче я самъ себѣ панъ!" Пьяная жена его похваляется тоже: "Я сама себѣ панья!" Да, хороша панья, госпожа! Ни хлѣба порядочнаго испечь не умѣетъ, ни сварить мясной похлебки, ни сшить рубашки какъ слѣдуетъ, а туда же — я панья! Ну, конечно, какъ напьешся пьяная, сама себя не помнишь, — ты панья! . . Не вѣрно ли я говорю, что мы слѣпые и глупые? Отчего у нашей матушки-попадьи въ огородѣ всякаго добра столько, что какъ присмотришься къ ея огурцамъ, моркови, свеклѣ, арбузамъ, такъ глаза оторвать отъ нихъ невозможно, а у насъ ничего нѣтъ? Отчего у нашего батюшки-священника такая богатѣйшая пчелиная пасѣка, что на доходъ съ нея онъ содержитъ сыновей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а мы этого не замѣчаемъ, не пойдемъ къ нему хотя бы изъ одного любопытства, не разспросимъ, какъ онъ завелъ это дѣло, и не присмотримся къ нему поближе? А когда онъ, духовный нашъ отецъ, самъ говоритъ съ нами, совѣтуя или обясняя намъ что-нибудь, поощряя насъ что-нибудь поле-

зное завести у себя или сдѣлать, то мы слушаемъ все и головами качаемъ, но на самомъ-то дѣлѣ ничего не слышимъ и не понимаемъ. Съ виду тутъ мы слушаемъ его слова внимательно и покорно, но, выйдя отъ него, говоримъ: "Хорошо онъ толковалъ, батюшка-то, да все это не про насъ мужиковъ. У пановъ, у поповъ и ксендзовъ — одно дѣло, а у насъ — другое. Намъ не до того! Когда работать, — ты зовешь себя паномъ, а когда завести въ деревнѣ что-нибудь хорошее, полезное, — мужикомъ!

— Пойдемъ, ребята, — сказалъ Мартынъ:—что будемъ тутъ всякіе пустяки слушать?

— Пойдемъ! Пойдемъ! — крикнули другіе, оправились, напялили шапки крѣпче на уши и стали расходиться въ разныя стороны.

Во всемъ селѣ было только двое такихъ мужиковъ, которые почитали Михайлу какъ человѣка, не только порядочнаго, хорошаго, но и разумнаго, хотя неграмотнаго, такъ какъ въ старину, во времена панщины, по милости пановъ, которые запрещали своимъ мужикамъ учиться, грамотныхъ людей было у насъ весьма немного. Всегда, однакоже, у насъ въ Галичинѣ, какъ по городамъ, такъ и селамъ, были русскіе люди съ большимъ природнымъ умомъ, удивлявшіе своею смѣтливостью и знакомствомъ съ дѣломъ не только простыхъ грамотниковъ, но и вполнѣ образованныхъ людей.

Послѣ вечерни пригласилъ Михайло этихъ двухъ хозяевъ къ себѣ въ гости. Съ ними пришли также жены ихъ и дѣти. Михайло проводилъ ихъ въ садикъ; тамъ всѣ себѣ сѣли или прилегли на свѣжемъ сѣнѣ, и повелъ Михайло бесѣду съ ними о всякихъ хорошихъ да нужныхъ дѣлахъ.

—Бѣда наша настоящая, — говоритъ, — въ томъ, что о своихъ дѣлахъ мы не совѣтуемся, собравшись всѣ вмѣстѣ, сообща, а живемъ всякій своимъ умомъ, хотя давно сказано: "умъ хорошо, а два — лучше." Запряги одну лошадь или одного быка въ, плугъ, навѣрное ни та, ни другой не сдвинетъ его съ мѣста; запряги двухъ — плугъ пойдетъ, а запряги четырехъ — хорошо будешь пахать. То же надобно сказать и про умъ человѣческій. . . Одинъ человѣкъ, хоть и умный, не въ состояніи того придумать, что придумаютъ двое, десятеро умныхъ; а сотня умныхъ людей

— это ужъ опять другого рода сила. Затѣмъ-то Господь Богъ и велѣлъ человѣку жить въ обществѣ, чтобы мы совокупляли свои умы воедино, общимъ умомъ доходили бы до всего разумнаго и добраго и такимъ бы образомъ увеличивали свое благополучіе и счастье. Правда, во время панщины нельзя было сообщаться для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ, — ну, да тогда всѣ наши права составляло одно: слушаться плети и палки. Нынѣ совсѣмъ другіе порядки. А мы все-таки какіе были при панщинѣ, такіе и теперь остались; несоединяемъ своихъ умовъ, незаводимъ у себя никакихъ лучшихъ порядковъ, даже слышать не хотимъ ни о чемъ хорошемъ и добромъ. Все общество ведетъ за собою Мартынъ, который ничего другого не знаетъ и не понимаетъ, какъ только дневать и ночевать въ корчмѣ да подлаживаться къ жидамъ, чтобъ имъ быть угоднымъ. Посмотримъ, сосѣдушки, что изъ этого выйдетъ; а особенно вы, молодые ребята, хорошенько намотайте себѣ на усъ, что теперь. пожалуй, хуже будеть, чѣмъ было при барщинѣ. Тогда всякій отецъ зналъ, что послѣ его смерти на его землѣ будетъ хозяйничать сынъ его или зять, и какъ бы ни пьянствовалъ ни моталъ отецъ, все-таки земли ни пропить ни промотать нельзя было. Въ нынѣшнія времена крестьянскіе участки скупаютъ жиды и всякіе польскіе панки; а жиды уже такъ же точно закореняются по деревнямъ, какъ они въ прежнюю пору господствовали въ городахъ, гдѣ издавна покупать земли никому не было запрета. Вы, сосѣдушки почтенные, и вы, молодцы, запомните себѣ хорошо мои слова: воля погубитъ насъ, ежели въ придачу къ волѣ не окажется у насъ ума и порядочности, добраго поведенія . . . Сегодня вотъ староста объявилъ, чтобы приносили подати за вторую треть года . . . Я никому ничего не понесу, потому что я уплатилъ все сразу въ началѣ года и теперь покоенъ. Но у меня во время панщины было 5 десятинъ земли, а теперь вчетверо больше, такъ какъ я купилъ себѣ на торгахъ участки нерадивцевъ, лѣнтяевъ, пьяницъ, жидовъ . . . Мужики испугались, что наступилъ уже срокъ вноситъ подати, жалуются, что ее будто бы увеличили въ десять разъ и что уплатить все будетъ невозможно. Возьмемъ, примѣрно, хоть того же Мартына, самаго шустраго мужика во всемъ нашемъ селѣ. Спросите у него — сколь-

ко дней пролежалъ дома безо всякаго дѣла, сколько прошатался по улицѣ, чтобы встрѣтить кого-нибудь да затащить съ собою въ корчму, сколько дней проваландался въ городѣ, когда возилъ Мошкѣ разный хлѣбъ и пряжу, и тамъ всякій разъ просиживалъ въ шинкѣ до темной ночи. А теперь я навѣрное знаю, что уплатить подать ему нечѣмъ! ..Поглядите на ключъ, которымъ вы всякій день отпираете замокъ у сундука: какой онъ чистый и гладкій, какъ онъ весь блеститъ! Похожъ на него тотъ человѣкъ, что постоянно въ работѣ: ржавчина его не съѣстъ, всегда онъ будетъ здоровъ, веселъ, порядоченъ и въ чести у другихъ. Спросимъ у лисицы: приходила ли когда къ ней въ лѣсъ, въ ея нору, курочка или хоть какой-нибудь мышенокъ, чтобъ она могла вволю спать и безъ труда готовую курятинку кушать? Развѣ вы не замѣчали, какъ наканунѣ передъ метелью она всегда выходитъ на добычу въ поле и бѣгаетъ, ищетъ, старается, зная, чо завтра занесетъ его снѣгомъ, и ничего нельзя будетъ добыть? А изъ нашихъ мужиковъ не одинъ поступаетъ иначе: все лежитъ на печи или съ утра до вечера сидитъ въ корчмѣ да думу думаетъ о томъ, какъ бы это деньги пришли къ нему сами и сказали: бери насъ, Григорій Ивановичъ или Мартынъ Степановичъ, и не унывай — ѣшь, пей, веселись! А когда деньги сами къ нему нейдутъ, то онъ пеняетъ на свою судьбу, жалуется или на плохіе года или на случайныя неудачи и бѣды въ хозяйствѣ, но себя непремѣнно считаетъ умнымъ и правымъ . . . А по мнѣ, сосѣдушки, наибольшее счастье человѣка, честь и слава — это работа, трудъ, трудъ не по принужденію, изъподъ палки но по любви. Я постоянно твержу себѣ и учу дѣтей своихъ: „Будемте трудиться, покуда живемъ, а когда ляжемъ въ могилу, тогда отдохнемъ себѣ!” Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе, какъ **время,** и кто не дорожитъ временемъ, тотъ самый несчастный расточитель. Зимой, когда приходится свѣтить въ избѣ, мы часто говоримъ: “Когда нѣтъ большой и срочной работы, тушите, ребята, огонь пораньше, — жалко керосина или свѣчки!“ Капли масла, стало быть, ты жалѣешь, а Божьяго солнышка тебѣ не жалко! Господь посылаетъ его, чтобы оно свѣтило тебѣ при работѣ, а ты лѣнишься, ничего не дѣлаешь, и оно свѣтитъ тебѣ понапрасну. Лѣнивый говоритъ, что тяжела ему

работа, такъ какъ не знаетъ или забылъ, что Господь Богъ сказалъ Адаму, изгоняя его изъ рая: „Въ потѣ лица ты будешь ѣсть хлѣбъ свой . . . “ Коли тяжела тебѣ работа, которую ты справляешь **на себя**, то черезъ годъ, два или три, ежели теперь понѣжничаешь съ собой, въ десять разъ тяжелѣй будетъ тебѣ работать на другихъ въ потѣ лица своего . . . Полѣнишься, не будешь держать въ настоящемъ порядкѣ и исправности свое хозяйство, – - лишишься земли и тогда будешь пахать панское поле и въ панскомъ или жидовскомъ гумнѣ молотить, а приставникъ будетъ понукать тебя крикомъ: „Чего сталъ? пошевеливайся!“ Стоялъ ты на своей работѣ и зато долженъ теперь тянуться изо всѣхъ жилъ, ежели желаешь поужинать сегодня, а завтра — не слишкомъ долго быть натощакъ. Лѣность — это такая старуха, что тащится медленно-премедленно, едва передвигая ноги, а нужда идетъ за нею издали, но все прибавляя шагу; чтобы непремѣнно ее настигнуть. Подгоняй себя къ работѣ, доколѣ ты самъ себѣ хозяинъ, ежели не желаешь, чтобы другіе распоряжались тобою, какъ имъ будетъ угодно. Вставать до свѣту и не поздно ложиться — это здоровье, богатство и честь у людей. Вечернія гулянки и “музыки“ въ корчмѣ или подъ корчмой, плясъ во всю ночь подъ скрипку и бубенъ, а особенно (сохрани Богъ!) картежная игра, которая уже, къ несчастью, приходится сильно по вкусу и многимъ изъ нашихъ хозяевъ, людей степенныхъ — это гибель добрыхъ нравовъ и разоренье, это **огонь,** который жжетъ и истребляетъ; а присмотрѣвшись къ тому, что дѣлается теперь на свѣтѣ, у другихъ народовъ и въ другихъ земляхъ, мы должны будемъ сказать, что не легко потушить этотъ огонь . . . У насъ зачастую говорятъ: „Времена плохи, тяжелыя, не хорошія! Кабы Богъ помиловалъ, — послалъ перемѣну!” Нѣтъ, братцы, любезные друзья, это не такъ! Не времена дурныя, а **мы сами** нехороши; не временамъ надобно мѣняться, а **намъ!** Для работящаго и разумнаго человѣка времена всегда, можно сказать, хорошія, а лѣнтяй и безумецъ, надѣющійся на то, что пшеничные пироги съ творогомъ, готовые совсѣмъ, будутъ валиться ему въ ротъ съ неба, конечно, долженъ умереть голодною смертью. Нѣтъ земли у тебя — трудись, работай всякій день, потому что двѣ руки съ десятью пальцами на

нихъ — все твое богатство; есть кусокъ землицы по милости Божьей — тоже работай изо дня въ день, не покладывая рукъ, ибо крестьянину-земледѣльцу у насъ, въ Галичинѣ, не мало приходится платить нынче всякихъ казенныхъ и иныхъ сборовъ. Если ты обученъ какому-либо ремеслу, знаешь такой или иной промыселъ, — это все равно, что хорошія деньги въ карманѣ, приносящія тебѣ проценты, на которыя ты долженъ содержаться и жить; если толковая голова у тебя на плечахъ — это лучше, чѣмъ получить наслѣдство отъ родителей; но ремесломъ своимъ занимайся прилежно и добросовѣстно, а ума не употребляй на дурныя и безчестныя дѣла! Тотъ, кто любитъ трудиться, не боится голода. Голодъ ходитъ утромъ рано по селу и засматриваетъ въ избы. Гдѣ онъ увидитъ, что спятъ до полденъ, туда является безъ спросу, какъ незваный гость; а гдѣ всѣ на ногахъ до свѣту, онъ не смѣетъ переступить за порогъ того дома . . . Разумный человѣкъ, когда и случится ему призанять денегъ у другого, въ долгу не останется: онъ не позволитъ себѣ ничего лишняго, никакой роскоши до тѣхъ поръ, покуда не выручитъ даннаго векселя или расписки, и только послѣ этого уснетъ спокойно; ибо нѣтъ для человѣка большаго счастья, какъ не быть никому ничего должнымъ. Умный человѣкъ не помышляетъ о сказочныхъ заколдованныхъ кладахъ; его кладъ составляютъ: **здоровыя руки, свѣтлый умъ и вѣра въ Бога,** благословляющаго честный трудъ. У человѣка умнаго вездѣ зарытъ кладъ: и въ избѣ, и на гумнѣ, и въ хлѣву, и на огородѣ, и въ полѣ, и на сѣнокосѣ, и на пастбищѣ, и въ лѣсу потому что онъ умѣетъ найти кладъ на всякомъ мѣстѣ — тамъ, гдѣ другіе топчутъ ногами по настоящимъ сокровищамъ, но не умѣютъ добыть и взять ихъ. Въ силу сказаннаго, во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ могутъ быть: большой богачъ, то-есть большой умница, средніе богачи, то-есть средняго ума люди, и безумцы, которые не только не увеличиваютъ своего таланта, но даже зарываютъ его въ землю. Умный зимой встаетъ съ пѣтухами, когда запоютъ первые пѣтухи, а лѣтомъ съ ласточкой, самою раннею птицей, и покуда безумецъ нѣжится еще въ постелѣ, онъ уже засѣялъ свою ниву; прежде чѣмъ безумный выйдетъ въ поле, онъ засѣянное уже побороновалъ а покуда безумный вспашетъ свою ниву, его

уже зеленѣетъ! Когда онъ продаетъ зерно по хорошей цѣнѣ, безумецъ какъ разъ въ это время покупаетъ его на хлѣбъ себѣ и семьѣ своей . . . Умный всегда говоритъ: „Дѣтки, постараемся окончить поскорѣй свою работу, потому что неизвѣстно, каковъ будетъ завтрашній день"; а безумный всегда себя успокоиваетъ: "Съ какой статьи торопиться? Не сдѣлаю сегодня — сдѣлаю завтра!" Но одно „сегодня" больше стоитъ, чѣмъ десять „завтра". Спросите людей опытныхъ, — они скажутъ: одни сѣяли — и посѣяли; назавтра пошелъ хорошій дождь, — всякое зерно ихъ взошло, дало прекрасный стебель и колосъ; тѣ же, что отложили посѣвъ на завтра, должны были дожидаться потомъ недѣлю или двѣ, покуда земля просохнетъ; а тамъ припекло солнышко, и жатва ихъ вышла совсѣмъ плохая — оттого именно, что они не умѣли воспользоваться драгоцѣннымъ „сегодня" и положились на „завтра". Никогда не слѣдуетъ откладывать до завтра то, что сегодня можно сдѣлать. Если бы ты былъ слугой у пана, а панъ бы вышелъ въ поле и засталъ тебя спящаго, быковъ же стоящихъ въ плугѣ напрасно въ погожій, дорогой для работы день, — не попотчевалъ ли бы тебя панъ твой палкой, и не заслуживалъ ли бы ты этого? . . Такъ и Господь Богъ, Господинъ и Хозяинъ нашъ старѣйшій и самый наилучшій, настоящій, навѣрное накажетъ тебя, если ты не будешь пользоваться какъ слѣдуетъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ Его — своимъ временемъ. Когда ты былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ да зашелъ твой панъ-помѣщикъ на дворъ къ тебѣ и нашелъ тамъ всякіе безпорядки, тебѣ было стыдно — не правда ли? — посмотрѣть въ глаза своему пану. Теперь ты, слава Богу, свободный русскій человѣкъ, самъ себѣ панъ. Какъ же не стыдно тебѣ передъ самимъ собой, что ты теперь хуже крѣпостного, раба, которому некогда было держать въ порядкѣ и чистотѣ свою избу, свои строенія и свой дворъ? Постоянно работай и помни, что не поймать кошкѣ мыши, ежели ты надѣнешь ей руковицы. Такъ и ты: если хочешь вкусно поѣсть, долженъ засучать рукава къ работѣ. Никогда не говори: „Я не въ силахъ выкорчевать эту пашню, спустить воду на этомъ сѣнокосѣ, — это слишкомъ большая работа!" Смотри: мала капля воды, а она долбитъ камень; мала мышь, а она можетъ сточить скирдъ хлѣба, потому

что грызетъ постоянно; малый топоръ сваливаетъ тысячелѣтній дубъ. Ты тоже малъ и слабъ для большой работы; но день за днемъ, годъ за годомъ — ты сдѣлаешь все, что захочешь, только крѣпко берись за дѣло и не теряй времени понапрасну.

На такія рѣчи мнѣ возражали многіе:

— Хорошо тебѣ, Михайло, все это говорить, когда ты ужъ такой на свѣтъ родился, съ такимъ, значитъ, характеромъ! Ну, а я не могу такъ жить — безъ забавы, веселья, безъ корчмы, безъ табаку! Ты, вотъ, все говоришь: занимайся дѣломъ, трудись, работай! Ну, а когда же отдыхать?

— Правда, человѣкъ не можетъ обходиться безъ забавы, развлеченія или удовольствія. Я тоже забавляюсь. Я даже очень люблю забавляться, но какая моя забава? Наработаюсь въ полѣ, окончу работу, приду на пасѣку, заговорю къ своимъ пчелкамъ и побесѣдую съ ними. Повѣрьте: гораздо лучше и пріятнѣе бесѣдовать съ умною пчелкой, чѣмъ съ пьянымъ человѣкомъ въ корчмѣ . . . Не правду ли я говорю? . . Съ пасѣки я перехожу въ садикъ —— поразвлечься своими прививками. Господи, Ты, Боже мой! какая это пріятная забава, какая утѣха. Въ позапрошломъ году кушалъ я хорошія яблоки, вынулъ изъ нихъ зернышки, посѣялъ ихъ осенью въ чистой грядкѣ, весной они взошли — ни дать ни взять какъ фасоль; я опололь ихъ хорошенько, оставилъ расти и въ нынѣшнемъ году уже привилъ ихъ къ прекраснымъ черенкамъ. Приду и смотрю: вотъ одинъ, другой пускаетъ ростокъ, — стало-быть, принялся, третій еще только разбухъ; а тамъ деревца прежней, болѣе старой прививки, — одно имѣетъ такой видъ, другое другой; съ одного надо снять червяка, другое подчистить — вотъ моя настоящая забава и моя радость! Иду дальше, а тамъ старшіе мои прививки, которые радуютъ и веселятъ меня какъ родныя дѣти, потому что я самъ выняньчилъ и вырастилъ ихъ, цвѣтутъ, благоухаютъ, по нимъ разгуливаютъ пчелы, на нихъ садятся и поютъ птички! . . Вотъ это мнѣ такъ музыка! Лучше слушать ее навѣрняка, чѣмъ игру какого-нибудь цыгана, бьющаго въ бубенъ, или жида, пилящаго въ корчмѣ на скрипкѣ, а подъ такую „музыку“ народъ нашъ пляшетъ до упаду, бѣснуется въ жидовскомъ смрадѣ цѣлыя ночи напролетъ, потому что не знаетъ ни-

какой другой лучшей забавы, никакого другого дѣйствительно пріятнаго, чистаго, возвишающцаго удовольствія. . . Когда я зайду въ хлѣвъ къ своей скотинкѣ, съ нею тоже всегда найдется у меня пріятное развлеченіе. Коровку-матушку, настоящую кормилицу всей семьи нашей, одну приласкаю, приголублю, полакомлю хлѣбцемъ съ солью, другую, третью — вычешу хорошенько скребницей и щеткой. Мнѣ забава и съ моими лошадками и съ веселыми, рѣзвыми молодыми жеребятами, и вездѣ — въ садикѣ, въ огородѣ, и въ полѣ, и на лугу — вездѣ нуженъ мой глазъ и моя рука, вездѣ есть у меня о чемъ подумать и съ кѣмъ поговорить . . . Но всего лучше, пріятнѣе и занимательнѣе мое развлеченіе съ дѣтьми моими и внуками. Я постоянно учу ихъ и уму-разуму и всякой работѣ; они слушаются меня, но и я также учусь у нихъ на старости, потому что они грамотны и имѣютъ довольно разныхъ хорошихъ книгъ. Они читаютъ мнѣ книжки, и мы бесѣдуемъ вмѣстѣ обо всемъ — о Богѣ и людяхъ, о ихъ дѣлахъ и всякой Божьей твари въ мірѣ. Такимъ образомъ безъ водки и безъ гульбы я живу . . . Но есть у меня еще, правда, медокъ мой ради большого праздника да сердечное веселье о томъ, что я никому ничего, ни одной копеечки, не долженъ и ужъ, конечно, жиду никогда кланяться не стану. Подати я вношу въ январѣ мѣсяцѣ сразу за цѣлый годъ, плачу также, что слѣдуетъ, на церковь и на общественныя надобности. По милости Божіей, у меня на все хватаетъ, и я не скряга для бѣдняка, для человѣка въ нуждѣ; я даю, что могу дать, но никто не знаетъ о томъ, даю ли я и сколько даю, кромѣ Бога. А кто этого не знаетъ, тому я скажу смѣло, что помочь ближнему въ нуждѣ, въ несчастьи доставляетъ сердцу большее удовольствіе, большую радость, чѣмъ всякія „музыки“ въ корчмѣ, чѣмъ всякая гульба и забава, безъ которыхъ, будто бы, нѣкоторые люди, какъ они говорятъ, не могутъ жить . . . Я люблю и пѣсни, притомъ не церковныя только, но и наши народныя; дѣти поютъ, а я слушаю, и мнѣ весело, потому что я, слушая молодыхъ, точно и самъ становлюсь моложе. Я люблю нашу русскую пляску, люблю посмотрѣть иногда, какъ пляшутъ, и даже самъ иной разъ готовъ бы, кажется, подпрыгнуть, потому что грѣха въ этомъ нѣтъ: но никто не видалъ меня пьянаго, ни для кого я не

былъ посмѣшищемъ и на дурныя дѣла не издержалъ никогда ни гроша . . . Въ томъ состоитъ умъ, сосѣдушки и дѣти мои милыя, чтобы человѣкъ могъ прожить и хорошо бы жилъ, чтобъ онъ самъ не омрачилъ, не испортилъ и не сократилъ своей жизни, жилъ благополучно, пріятно — и души бы своей не погубилъ! А у насъ совсѣмъ не такой обычай и порядокъ жизни. У тебя несется твоя курочка, но яичка ея ты самъ не скушаешь, а везешь его въ городъ, гдѣ съѣстъ его панъ или жидъ. Твоя хозяйка приготовляетъ масло, но этимъ масломъ ты не умѣешь подправить свою пищу, не намажешь себѣ его на хлѣбъ, не знаешь ни ты, ни жена твоя, ни дѣти — какой въ немъ вкусъ. Почему такъ? Потому что ты говоришь: „Я мужикъ: молоко, масло, яичко, курочка, цыпленокъ, даже яблочко и ягода какая ни на есть — не про меня, а только про пановъ и жидовъ; съ меня довольно и того, что за нихъ я выручу коекакія деньжонки на покупку сѣмянъ и другія надобности". Ты жалѣешь себѣ болѣе сытнаго и скуснаго куска. Ты неживешь — ты мучишься, потому что ты не уважаешь самъ себя; ты жалѣешь самъ себѣ, гдѣ не долженъ жалѣть, и бросаешь свое добро зря тамъ, гдѣ не нужно! Не видали мы развѣ минувшей весной, какъ Тимоѳей, нашъ сосѣдъ любезный, двѣ недѣли справлялъ родины и крестины, извелъ на нихъ, по самой меньшей мѣрѣ, рублей 20, когда можно было обойтись двумя-тремя рублями, и въ концѣ концовъ едва ли не главную честь и добро, которыхъ онъ добился всѣмъ этимъ, составлял то, что даже весь дворъ его провонялъ водкой, какъ кабакъ какой-нибудь или винокурня. Есть ли умъ, есть ли какой-нибудь малѣйшій смыслъ въ такихъ дѣлахъ? . . . Или вотъ другой грустный примѣръ. Такой-то — положимъ, Николай Ивановъ — слыветъ за хорошаго хозяина: онъ прикупилъ себѣ много земли, рогатой скотины, лошадей у него вдоволь и хорошей породы, поле рядомъ, хлѣба много и денегъ наличныхъ у него — одни говорятъ — сотни, другіе — тысячи. Но посмотрите вы на него: какая на немъ рубаха, какой сердакъ (сермяга), какой кожухъ (полушубокъ)! Не говорю: выходи на работу щеголемъ, но надо же думать все-таки и о томъ, чтобы было въ чемъ показаться прилично на людяхъ . . . Изба у него тоже все съ прежнею старою соломен-

ною крышей, которою покрылъ ее покойный его батюшка, и на полъ-аршина осѣла въ землю, потому что сгнили подъ нею основанія, — пахнетъ въ ней сыростью, дымъ выѣдаетъ глаза, половъ нѣтъ и въ поминѣ. Такія же у него строенія, такая же изгородь, о приличныхъ воротахъ нечего и говорить. Но онъ богачъ: мимо корчмы никогда не проѣдетъ безъ того, чтобы не завернуть въ нее клюкнуть, съ базара всякую недѣлю возвращается домой — паномъ: самъ сидитъ впереди, шапка сдвинута на ухо, качается, поетъ, баба на возу сзади пьяная — даже глаза ввалились у ней, у богачихи, языкъ побѣлѣлъ и губы стали синія отъ кабацкаго проклятаго зелья! Они, изволишь видѣть, богачи, живутъ въ свое удовольствіе — всякій день пьяны! . . . Но какое жъ это удовольствіе, Боже милостивый?! Это — мука настоящее бѣдствіе! Свѣта Божьяго человѣкъ не видитъ, въ сердцѣ не чувствуетъ никакой радости, ничего хорошаго онъ не сдѣлалъ, бѣдному, нуждающемуся не помогъ, напротивъ, возясь постоянно съ жидами, и самъ, по ихъ примѣру, сталъ ростовщикомъ-кровопійцей . . . Дома у него тоже поглядѣть не на что . . . Въ годъ расходуется у него нѣсколько сотъ гульденовъ. На эти деньги можно бы построить новую хорошую избу, съ высокою, просторною свѣтлицей, съ досчатыми полами, съ расписными дверями и окнами, купить хорошую постель, завести въ домѣ всякія полезныя удобства, украсить его святыми иконами. Тогда было бы доброе имя у людей и непостыдное лицо предъ Богомъ за милосердіе къ ближнему, за сострапаніе и участіе къ бѣдному, нуждающемуся, страдающему брату-человѣку; было бы на что и посмотрѣть: и на строенія, и на заборы, и на огороды, — все это было бы, ежели бы у этихъ бѣдныхъ богачей оказалось хоть немного здраваго смысла въ головѣ и умѣнья устроиться и жить по-человѣчески . . . До крайности мало у насъ такихъ людей, что съ толкомъ и съ пользой для себя и другихъ умѣютъ распоряжаться своими деньгами, своимъ достаткомъ. Я знаю только одного русскаго нашего крестьянина-земледѣльца, который, и въ городъ на базаръ и праздникомъ въ гости къ роднѣ или знакомымъ куда-нибудь ѣдетъ себѣ въ порядочномъ возкѣ покрытомъ хорошимъ коврикомъ домашняго издѣлія а въ городѣ заходитъ уже не въ простой шинокъ, но въ гос-

тиницу чтобы напиться тамъ чаю или выпить стаканъ виноградного вина. Онъ уже панъ на своей землѣ и знаетъ о томъ, что панъ ... Посмотримъ на нашихъ священниковъ и съ нихъ будемъ брать себѣ хорошій примѣръ. Не говорю — со всѣхъ, потому что и въ духовенствѣ бываютъ люди различные. По выходѣ изъ семинаріи будущій сельскій священникъ женится; иной получаетъ сотню или двѣ приданаго за женой, а иной является въ приходъ безъ гроша денегъ. Нашъ теперешній батюшка пріѣхалъ къ намъ на крестьянской телѣгѣ, а на другой было сложено все имущество его и жены. Въ первый день нечего было и покушать, потому что онъ взялъ сиротку безъ гроша за душой. Я самъ, замѣтивъ, что они такіе бѣдные, зашелъ къ нимъ послѣ обѣдни въ домъ и спросилъ, чего имъ нужно. „Прежде всего, — сказалъ новый батюшка, — нужно бы мнѣ немного соломы въ тюфяки". Я отправилъ къ нимъ нѣсколько кулей соломы, а потомъ, видя, что коровы у нихъ нѣтъ, посылалъ имъ всякій день молока, масла и творогу. Бѣдствовали они, по правдѣ сказать, порядочно, но оба постоянно были веселы и привыкали ко всякой работѣ. На огородѣ копались оба; самъ батюшка не стыдился и топоромъ поработать, когда бывало нужно, и мало-по-малу, съ Божіею помощью, они разжились. Теперь нашему батюшкѣ нѣкоторые даже завидуютъ. А предшественники его никогда ничего не имѣли, всегда были въ долгахъ, терпѣли разные недостатки. Надобно сказать, впрочемъ, и то, что въ тогдашнюю пору храмовые праздники справлялись въ нашемъ приходѣ цѣлую недѣлю, и въ домѣ священника, бывало, музыка играетъ нѣсколько дней; а сколько выпивали пива и вина — о томъ и не говорю; времена были такія, что люди любили гулять долго и нараспашку, и лучше этого ничего какъ будто не знали. А теперь веселятся не болѣе одного дня: въ храмовой праздникъ день, на свадьбѣ тоже день, и пьянаго священника, пьяной матушки, пьянаго гостя у нихъ я никогда уже не видалъ.

Нынѣ приглашаютъ гостей и ѣздятъ въ гости всего болѣе ради бесѣды, разговора, притомъ разговора умнаго, не какого-нибудь пустяковаго. Съѣдутся и толкуютъ, одни другихъ учатъ: какъ завести умолотную пшеницу, какъ вырастить хорошихъ лошадокъ; кто любитъ пчелъ,

садоводство — говоритъ о пасѣчничествѣ и уходѣ за деревьями; другіе о книгахъ, объ ученіи, о газетахъ, о чужихъ земляхъ и тамошнихъ порядкахъ, о войнахъ, о всякой всячинѣ. Потолкуютъ себѣ этакъ, покушаютъ и выпьютъ въ мѣру, иногда поиграютъ немного, а молодежь потанцуетъ, и на слѣдующій день всякіи уже дома за своимъ дѣломъ. У насъ священникъ, правда, немного имѣетъ земли, почти что не болѣе хорошаго, зажиточнаго крестьянина; но священнику труднѣе управляться самъ не можетъ всего дѣлать по хозяйству, — нужно держать работниковъ и платить имъ; весной придетъ самая пора сѣять яровое, а онъ — не моги отлучаться изъ церкви: то исповѣдывай, служи, положившись въ хозяйственныхъ дѣлахъ совсѣмъ на наемниковъ. И однакоже у него все какъ-то ладится: у него лучше и лошади и коровы, есть и садъ, и пчелиная пасѣка, и кормовъ всякихъ вдоволь, и въ комнатахъ всякое приличное устройство, хотя, по правдѣ сказать, не у одного зажиточнаго крестьянина лучшіе доходы, чѣмъ у него; да и бѣдствовалъ онъ сначала такъ же точно, какъ и любой бѣднякъ изъ нашей братьи — крестьянъ. Правда, онъ получаетъ кое-что изъ казны; правда, бываютъ у него также церковные доходы, иногда довольно значительные даже; но посчитайте-ка — сколько стоитъ ему обученіе дѣтей въ школахъ, посчитайте — сколько издерживаетъ онъ всякій годъ на книги, на газеты, а потомъ сообразите про своего брата-крестьянина хотя бы то всѣмъ извѣстное дѣло, что мы, правда, изъ казны ничего не получаемъ, да зато имѣемъ заработки, то большіе, то поменьше, но непремѣнно имѣемъ, ежели хотимъ, ежели не лѣнимся . . . Я говорю все это къ тому, что пора бы нашимъ хозяевамъ позажиточнѣе перестать все благополучіе и всю прелесть жизни полагать въ томъ, чтобы быть постоянно пьяными вмѣстѣ со своими женами, и не считать для себя за особенную честь, возвращаясь изъ корчмы, не придерживаться прямой линіи, какъ всѣ прочіе, простые смертные, а шагать какъ вздумается — ногамъ, то вдоль, то поперекъ дороги, размахивая повислыми руками, съ мрачно-гордымъ видомъ или сладко-дурацкою улыбкой, на удивленіе всѣмъ встрѣчнымъ: я де богачъ — полюбуйтесь! . . Они должны равняться съ разумными и образованными людьми въ томъ смыслѣ, чтобъ и самимъ жить въ

болѣе красивыхъ и удобныхъ домахъ, держать лошадей и рогатый скотъ хорошей породы, завести лучшую сбрую, лучшую повозку, лучшій плугъ, лучшую соломорѣзку, — словомъ, все, что нужно въ хозяйствѣ; одежду имѣть не щегольскую панскую, но русскую народную, но порядочную, цѣною подороже, приличную; не считать себя за „хлопа", за мужика, но знать и помнить твердо, что нынче, съ тѣхъ поръ какъ не стало панщины въ нашей русской Галичинѣ, всякій изъ насъ, русскихъ крестьянъ, такой же панъ на своей землѣ и въ своей хатѣ, какъ и польскіе паны.

Такія были мысли Михайла о нашемъ русскомъ народѣ и его дѣлахъ съ самаго начала послѣ того, какъ не стало у насъ панщины. И не только языкомъ онъ говорилъ это, но и на дѣлѣ показывалъ. Во время панщины онъ имѣлъ уже хорошій достатокъ, потому что былъ человѣкъ трезвый, работящій и предпріимчивый, оборотливый. Какъ только объявили волю, Михайло сейчасъ вытащилъ свои денежки изъ сундука и поставилъ себѣ избу порядочную, новую, съ полами, какъ слѣдуетъ, съ широкой дверью, какъ у пана, съ красными зелеными окнами, велѣлъ подѣлать ясеневые столы и стулья, выписалъ себѣ изъ Львова святые образа и большое зеркало, убралъ свою свѣтлицу прилично, порядочно, чтобы не стыдно было принять въ ней гостя изъ родни и стороннихъ почетныхъ людей; въ слѣдующей горницѣ жилъ самъ, а на другой сторонѣ была кухня и комора, кладовая. Старыя строенія онъ тоже разобралъ и поставилъ новыя, просторныя и высокія, на основаніяхъ (фундаментахъ) изъ булыжнаго камня. Телѣгъ у него двѣ, на желѣзныхъ осяхъ, обѣ окованныя, ярма для запряжки быковъ въ плугъ и все прочее оковано; коровы и быки стоятъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, а не на постромкахъ; подъ навѣсомъ легкій венгерскій возокъ для выѣзда, сани тоже крашеныя, на подрѣзахъ, порядочныя. Развелъ и устроилъ садъ; а когда лѣнтяи и пьяницы стали продавать свои участки, онъ прикупилъ столько земли, что теперь владѣетъ уже 50 десятинами. Когда цѣны плохія, хлѣбъ стоитъ у него въ скирдахъ, немолоченый, по два года; много денегъ пороздано въ ссуду нуждающимся, но никогда онъ не беретъ болѣе 6 со ста, потому что боится Бога. Всѣ почитаютъ его, и самъ староста, какъ ѣдетъ на желѣзную дорогу, всегда зъ-ѣз-

жаетъ къ нему обѣдать. И Михайло всегда приметъ его, какъ слѣдуетъ, не ударитъ въ грязь лицомъ, потому что у Михайла есть все, что нужно для этого: хорошій копченый окорокъ, вкусная колбаса, свѣжая брынза, масло свѣжее, вкусное; есть и садъ и вино, — пріѣзжай гость хоть заполночь — всегда у него пріемъ отличный.

Какой человѣкъ Михайло, такія у него и дѣти: хорошія, умныя, грамотныя, образованныя! Но какъ поживаютъ въ настоящее время тѣ умники, которые не хотѣли слушать его наставленій и въ дѣлахъ брать съ него примѣръ? Пройдемтесь по селу и посмотримъ.

Съ самаго краю сидѣлъ покойный Иванъ Харинъ. Во время панщины онъ былъ хорошій хозяинъ, но послѣ выхода на волю раздѣлилъ землю сыновьямъ, женилъ ихъ — и съ тѣхъ поръ не стало житья всей семьѣ. Прежде на его участкѣ стояла одна изба и былъ одинъ огородъ, — теперь тамъ уже три избы, три огорода и три полевыхъ надѣла. Прежде у Ивана бывало по парѣ и болѣе лошадей и по 6—8 головъ рогатаго скота, теперь у всѣхъ трехъ хозяевъ налицо: у одного сына пара такихъ одровъ, которые годны только на шкуру, рубля по три, и у другого сына одна старая корова; третій хозяинъ, зять Ивана, сталъ пьяницей, — одну десятину земли онъ продалъ жиду, одну русскому хозяину, а третьей владѣетъ тоже жидъ за долгъ.

Второй, сосѣдъ покойнаго Ивана, это Мартынъ, тотъ самый, о которомъ уже было говорено выше. Его, какъ перваго горлана, общество выбрало въ "сервитутную комиссію". Членъ комиссіи со стороны пановъ подпаивалъ его и другихъ крестьянскихъ "лепотентовъ" и успѣлъ склонить ихъ къ тому, что при составленіи протокола въ сервитутной комиссіи они дали такія показанія, которыми просто- напросто погубили свое общество навѣки. Правда, въ послѣдствіи они отказались подписаться въ этомъ протоколѣ, а вернувшись домой, хвастали тѣмъ, что не подписались, но проку изъ этого вышло не много. Былъ составленъ все-таки подложный протоколъ, и дѣло доведено до того, что крестьяне лишились не только пастбища, но и водопоя, а въ настоящее время деревня пропадаетъ еще и безъ конопли, потому что запрещено мочить ее въ рѣчкѣ, протекающей на панской землѣ, гдѣ крестьяне мочили ее

всегда, какъ запомнятъ самые старые старики. Въ домѣ у него и въ хозяйствѣ бѣдность страшная во всемъ. Онъ живетъ еще, но что это за жизнь! Третій годъ уже не слѣзаетъ съ печи; сынъ не почитаетъ его, ругаетъ и даже бьетъ, невѣстка не даетъ кушать, а онъ не можетъ жить безъ водки, учить внуковъ воровать и носить тайкомъ ворованное къ Мошкѣ для промѣна на проклятую сивуху. Отъ этого дома у нихъ настоящій адъ, — зачастую сосѣди сбѣгаются смотрѣть на то, что у нихъ творится, какъ на зрѣлище, то смѣшное и соблазнительное, то грустное и даже страшное.

Третій хозяинъ — Николай Хрущъ, зять Михайла. Прекрасная новая изба и все прочее въ лучшемъ видѣ: молодой садикъ, строенія, одни уже пересыпаны, другія старыя стоятъ еще временно, дожидаясь своей очереди для перестройки. Къ Николѣ Хрущу сходятся на бесѣду лучшіе хозяева и молодежь его конца, потому что онъ выписываетъ русскіи вѣдомости (газеты) и книжки "Общества имени Мих. Качковскаго." Жена его тоже грамотная и поетъ въ церкви очень пріятнымъ голосомъ. У нихъ двое дѣтокъ. Пусть ихъ растутъ себѣ съ Богомъ имъ на радость и матушкѣ Руси нашей святой (Галицкой) на пользу!

Четвертая — Катерина Зубиха, вдова. Послѣ смерти своего мужа, Павла Зуба, она было, бѣдняжка, стала сильно пьянствовать, — спустила пару быковъ и корову, но земля какь-то уцѣлѣла. Когда сосѣдъ Никола· сталъ читать по вечерамъ наши русскія вѣдомости и книжки „Общества Мих. Качковскаго", она тоже приходила слушать, и это такъ подѣйствовало на ея душу, что она дала обѣтъ не пить водки до смерти и теперь съ дѣтками своими такъ прекрасно хозяйничаетъ, что любо смотрѣтъ. Нынче она страстно любитъ книжное ученіе, а сынъ ея Павелъ записался въ члены „Общества Мих. Качковскаго".

Пятый — Семенъ Береза. Боже сохрани и помилуй всякое общество отъ такой души! Онъ уже трижды судился и сидѣлъ въ тюрьмѣ за конокрадство, но нѣтъ ему все-таки и не будетъ, кажется, покаянія... Позапрошлаго года сгорѣла у него изба. Вы бы посмотрѣли, какъ тогда со всего села и сосѣдныхъ крестьяне, одинъ передъ другимъ, повезли ему сейчасъ всякій матеріалъ на постройку: тотъ пару бревенъ, этотъ досокъ, третій сотню кирпичей на печку, —

въ одну недѣлю была срублена новая изба такая, какой иной честный человѣкъ не построилъ бы и въ полгода. Хозяева боятся его какъ огня, стараются его задобрить, просто откупиться у него отъ бѣды, платя ему со своихъ лошадей какъ будто страховой какой-то сборъ. Стоитъ лишь ему покоситься на кого — пропалъ спокойный сонъ у человѣка, и всегда злодѣй исполнитъ, что задумалъ! . . . Его никто уже не исправитъ, потому что онъ продалъ душу жиду-корчмарю Волькѣ и нечистому.

Шестой — Прокопъ Степанюкъ, Семеновъ кумъ и пріятель. Въ тюрьмѣ не былъ еще, но будет... Онъ очень лакомъ до гусей, утокъ, куръ, умѣетъ разыскивать и ловить ихъ какъ тхорь, потому хозяйки боятся его какъ чумы.

Седьмой — Алексѣй Степанюкъ, братъ Прокопа, совсѣмъ на него не похожій. Онъ человѣкъ тихій, благочестивый, богомольный, работящій, грамотный, разумный, трезвый, отличный хозяинъ, членъ „Общества Мих. Качковскаго".

Восьмой — Никита Заяцъ. Степенный и честный человѣкъ, но его не убѣдишь отказаться отъ водки, потому именно, изволите видѣть, что онъ мастеръ по части плуговъ. Дѣйствительно, хорошо работаетъ простые плуги как для своихъ, такъ и на другія села, но говоритъ, что ежели не „подмогорычить" де себя къ работѣ, то плугъ не ладно, „цапко", будетъ ходить. Не пропиваетъонъ, правда, всѣхъ своихъ денегъ, сколько бы когда ни получилъ, не валяется по корчмамъ. Но хоть и землю свою имѣетъ и мастеръ, а все-таки бѣденъ, сидитъ въ Мошковомъ карманѣ, и Мошка пять лѣтъ уже коситъ его лугъ.

Девятая — опять вдова, Паланиха, не молода, пожилая уже, первая въ селѣ повитуха и предводитель въ обществѣ пьянства. Она больше всѣхъ враждуетъ противъ священника за трезвость и ненавидитъ читающихъ книжки. Вся цѣликомъ состоитъ изъ суевѣрій, морочитъ рожениць всякими заговорами и зельями, но много хозяевъ уже не берутъ ея, потому что есть теперь другая бабка, Настасья, толковѣе и непьющая. У Паланихи ничего нѣтъ. Сынъ ея, вернувшись домой изъ военной службы и женившись, скоро померъ; теперь она продаетъ свою землю по кускамъ

и пьянствуетъ страшно, на смерть, — некому, говоритъ, оставлять. У насъ купилъ полторы десятины Алексѣй Степанюкъ, а другіе полторы десятины продала пьяна жиду въ городѣ за 100 гульденовъ. Деньги пьяная потеряла, и привезли ее домой замертво. Спустя недѣлю, Ицко перепродалъ землю Михайлѣ за 160 гульденовъ.

Десятый — Антонъ Калинюкъ .Бѣденъ, потому что нерадивъ. Его земля уже не принадлежитъ ему; скоро будутъ продавать ее съ торговъ, потому что много денегъ набралъ онъ подъ залогъ ея въ банкѣ и не уплачивалъ долга въ сроки.

Одинадцатый — Аронъ Кацъ, жидокъ маленькій, съ брюшкомъ, очень вѣжливый, „пріятный“ въ обращеніи, — пятнадцатый уже годъ сидитъ на участкѣ покойнаго Петра Кочута, котораго убилъ въ лѣсу пьянаго подрубленный дубъ. Сынъ его Никита тоже пьяница, залѣзъ въ долги, спустилъ, пропилъ все. Тогда сталъ „поддерживать“ его Аронъ: то снабжалъ сѣменами на посѣвъ, то давалъ денегъ на покупку лошади, быковъ и на разныя другія надобности. Такимъ порядкомъ жидъ завладѣлъ его землей и хатой, а самого Никиту обратилъ въ своего батрака. Онъ живетъ теперь съ женой у Арона въ ветхой, дырявой избенкѣ и работаетъ на жидовъ. Хорошо жить Кацу въ сельскомъ обществѣ, между мужиками, отлично! Онъ промышляетъ также ростовщичествомъ и беретъ “процентовъ” по **два** гульдена за **одинъ** въ недѣлю,а никакихъ общественныхъ повинностей, какъ подводы, всякіе ночные караулы и тому подобное, не несетъ, — во всемъ выручаетъ его „рюмочка“ да „закусочка“...

Двѣнадцатый — Миронъ Сорока. Тоже продалъ уже сосѣду Кацу двѣ десятины поля и хорошій кусокъ сѣнокоса, примыкающаго къ Кацову сѣнокосу. Аронка даетъ ему всего, что только душа его пожелаетъ, такъ какъ твердо надѣется завладѣть всемъ его участкомъ, должно полагать, будетъ согнанъ съ хозяйства и попадетъ въ жидовскіе батраки.

Тринадцатый — Иванъ Сойка, дьякъ наслѣдственный, какъ говорится, изъ дьяковъ дьякъ. Отецъ его принадлежалъ къ дьякамъ, которые, нечего таить грѣха, сильно при-

страстны были къ выпивкѣ почти всѣ заурядъ. Пилъ покойный такъ что, бывало, все, бѣдняга, спуститъ дочиста и постоянно горе мыкаетъ — ни дома ничего не было ни капоты порядочной на плечахъ. Сынокъ его Иванъ вышелъ не въ родителя: сначала и онъ, правда, любилъ выпить при случаѣ, но теперь женился, остепенился и сталъ прекраснымъ человѣкомъ, — дай Богъ всѣмъ приходамъ такихъ дьячковъ! Онъ правая рука священника, учитъ народъ всему, что самъ знаетъ, усердно; прихожане его уважаютъ и очень любятъ слушать, когда онъ начнетъ читать имъ что-нибудь.

Четырнадцатый, — Францишекъ Дзюбатый, мазуръ. Онъ былъ поваромъ у помѣщика въ усадьбѣ, скопилъ денежекъ и женился на дочери здѣшняго хозяина Захара Семенюка, единственной наслѣдницѣ его имѣнія. Теперь онъ богачъ, владѣетъ и женинымъ участкомъ и постоянно скупаетъ землю у русскихъ... Ловкій человѣкъ, проныра, Дзюбатый стакнулся съ жидами и орудуетъ водкой такъ же, как они. Во время выборовъ онъ коноводъ всякихъ польскихъ затѣй въ городѣ; но общество все-таки выбираетъ его въ выборщика по двумъ причинамъ: онъ поитъ за это водкой, а, кромѣ того, ходитъ въ сюртукѣ. Онъ не только самъ голосуетъ противъ насъ, но и другихъ подбиваетъ къ тому же.

Пятнадцатый — Осипъ Подковка, который прослужилъ уже 6 лѣтъ старостой. Онъ очень ополячился, совсѣмъ не одобряетъ того, что пишутъ наши русскіе люди въ своихъ вѣдомостяхъ и книжкахъ, и говоритъ, что это — измѣна. Съ Дзюбатымъ онъ другъ-пріятель, панскій угодникъ, и въ повѣтовомъ (уѣздномъ) совѣтѣ его очень любятъ. Пріѣхавъ на собраніе повѣтоваго совѣта, онъ всегда проситъ, чтобы паны уплатили его путевыя издержки, и панъ "маршалокъ" даетъ ему гульденъ, а онъ за это въ присутствіи всего совѣта цѣлуетъ въ руку пана „маршалка" . . . При всѣхъ выборахъ онъ получаетъ также подачки отъ пановъ за то, что бранитъ священниковъ и клевещетъ на нихъ.

Шестнадцатый — Тимоѳей Зазуля. И вправду зазуля: имѣетъ пчелиную пасѣку въ лѣсу и поле, — такъ все лѣто его на селѣ никто не видитъ. Жилось бы ему весьма недурно, кабы не проклятая сивуха . . . Какъ ни придетъ онъ въ

церковь все пасхи святятъ . . .

Семнадцатый — Өедоръ Коваль. Вотъ это такъ воистину честный человѣкъ! Онъ уже 20 лѣтъ служитъ при церкви и состоитъ членомъ церковнаго попечительства. Его стараніями обновлена и украшена церковь; он же сообща съ батюшкойсвященникомъ завелъ церковную ссудную кассу, которая уже третій годъ оказываетъ обществу большія услуги. Это такой честный, добросовѣстный, надежный во всякомъ дѣлѣ человѣкъ, какихъ мало на свѣтѣ. Кабы не Михайло да не Коваль, такъ бы жиды овладѣли всѣмъ селомъ и утвердились въ немъ навсегда. Онъ зажиточный хозяинъ, и двое сыновей его обучаются въ латинскихъ школахъ).

Восемнадцатый — Илья Кукуруза. Тоже членъ церковнаго братства и честная душа. Бѣда только въ томъ, что у него жена — пьяница, разоряетъ его хозяйство, а онъ — человѣкъ добрый, мягкосердечный, не умѣетъ держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ.

Девятнадцатый — Михайло Дубяка, о которомъ уже говорили, — первая голова во всемъ селѣ. Избери его общество въ старосты, — всѣ дѣла пошли бы другимъ ходомъ; но жиды этого не допустятъ, они знаютъ, что тогда пришелъ бы конецъ ихъ царству. Потому передъ выборами они лѣзутъ изъ кожи, чтобы старостой остался Иванъ Подковка.

Двадцатый — жидъ Михель Гершъ, братъ корчмаря Мошки. Онъ споилъ одного изъ бывшихъ хозяевъ, ввелъ его въ неоплатный долгъ и захватилъ въ свои руки всю его землю, построилъ себѣ каменную избу и амбаръ и торгуетъ теперь хлѣбомъ, а жена его — солью и всякой мелочью. У него два сына; онъ успѣлъ освободить ихъ отъ солдатской службы, хотя оба они здоровы и крѣпкіе, и пріучаетъ ихъ хозяйничать. Михель Гершъ и въ хозяйствѣ знаетъ толкъ: обработалъ и удобрилъ землю — на удивленіе, ни у кого нѣтъ такихъ лошадей, рабочихъ быковъ и коровъ, какъ у него . . . Молодые жидки теперь сами уже и пашутъ, и снопы возятъ, и исправляютъ всякую работу, какая нужна по хозяйству. Оба уже женаты, ищутъ купить землю, высматриваютъ — нѣтъ ли гдѣ крестьянина пьяницы и въ долгахъ, чтобы спихнуть его съ хозяйства и захватить

землю его въ свои лапы . . .

А нужно знать вамъ, любезные читатели, что то село, которое я описываю здѣсь, вовсе не хуже другихъ прочихъ. Я коротко описалъ 20 хозяевъ въ томъ порядкѣ, какъ они сидятъ одинъ рядомъ съ другимъ, и вы видите, что въ томъ числѣ есть уже двое жидовъ и одинъ мазуръ . . . Вы видите, что въ томъ селѣ много бѣды и зла, а все это происходитъ отъ темноты и пьянства. Но есть села еще хуже, гораздо хуже, такія, въ которыхъ нѣтъ ни одного Михайла Дубяка, ни одного Николая Хруща, ни одного Ѳедора Коваля, а все пьяницы горькіе, какъ наподборъ. Потому я поставилъ на сей книжкѣ заглавіе:

„Горитъ!“

Вѣдь, дѣйствительно, **горитъ** добро наше, гибнетъ; нужно спасеніе, — при томъ скорое спасеніе, немедленное, безотлагательное, чтобы намъ не погибнуть во вражескихъ рукахъ, чтобы наша русская Галичина не превратилась — въ жидовскую Галилею! . .

Послушайте, люди добрые, господа хозяева почтенные, я разскажу вамъ тутъ, кстати, весьма любопытное и поучительное дѣло.

Однажды, Великимъ постомъ, въ Москвѣ чуть не всѣхъ жителей подняла на ноги тревожная вѣсть: горитъ, пожаръ! Въ Москвѣ часто бываютъ пожары, народъ привыкъ къ нимъ; но тогда случился большой пожаръ, необыкновенный. Вся пожарная команда со всего этого необъятнаго города поскакала на мѣсто. Горѣлъ театръ громадное зданіе, — одинъ изъ самыхъ большихъ театровъ въ мірѣ, стоящій милліоны.

„Большой театръ горитъ! . .“ Крикъ этотъ разнесся по всей Москвѣ, и со всѣхъ концовъ ея народъ побѣжалъ на пожаръ. Не извѣстно по какой причинѣ, пожаръ начался внутри зданія и не скоро былъ замѣченъ, такъ какъ въ Москвѣ по постамъ представленій не бываетъ. Огонь гдѣ-то долго тлѣлъ, и, когда, наконецъ, вырвался наружу окнами, проникнуть внутрь зданія нечего уже было и думать. Не медленно пустили въ ходъ множество пожарныхъ трубъ и насосовъ, но было поздно: въ одну минуту огонь охватилъ все громадное зданіе. Вдругъ смотритъ народъ и видитъ: на крышѣ трое рабочихъ простираютъ къ нему руки . . .

„Братцы, ради Бога, спасите, помогите!“ Всѣ видятъ, что не можетъ спасти ихъ никакая человѣческая сила. Многіе крестятся и начинаютъ тихо молиться за погибающихъ. Въ это самое мгновеніе страшный крикъ и стонъ пронеслись въ толпѣ, женщины отъ ужаса падаютъ въ обморокъ . . . двое изъ несчастныхъ рабочихъ, не желая погибнуть въ огнѣ, бросились съ крыши на мостовую и разбились вдребезги.

Тутъ выступаетъ изъ толпы мужичокъ, скинулъ съ себя полушубокъ, — морозы на ту пору стояли въ Москвѣ лютые — замѣтилъ, что и третій несчастливецъ собирается тоже броситься внизъ, и кричитъ ему: “Постой ,погоди, малый! Богъ поможетъ, — я тебя сниму!“

— Кузьма! — говоритъ товарищу (онъ былъ кровельщикъ изъ какого-то подмосковнаго села), — возьми свой канатъ и ступай за мной!

Кузьма взялъ канатъ, и оба они подошли къ стѣнѣ горящаго театра. Къ стѣнѣ была приставлена лѣстница,. но по высотѣ она доходила лишь до половины зданія.

— Погоди, братецъ! — крикнулъ онъ опять несчастному работнику, отъ котораго огонь былъ уже всего въ нѣсколькихъ шагахъ, — потерпи, ради Бога!

Смѣривъ взглядомъ вышину зданія, онъ придвинулъ лѣстницу къ водосточной трубѣ, снялъ шапку, трижды перекрестился и, обратясь къ народу, сказалъ; „Помолитесь обо мнѣ, братцы!“

Всѣ сняли шапки, стали креститься и шопотомъ читать молитвы. Съ ловкостью кошки сталъ онъ взбираться вверхъ по лѣстницѣ, а за нимъ старался поспѣвать и Кузьма. Когда кончилась лѣстница, онъ намоталъ на себя канатъ, ухватился руками за трубу и полѣзъ дальше по ней. Люди онѣмѣли со страху, толпа затихла, весь народъ смотрѣлъ на это чудо съ замираніемъ сердца. Вотъ онъ выбирается все выше и выше. Страшно и подумать: а какъ труба не выдержитъ, или онъ самъ оборвется! Но онъ все карабкается вверхъ, съ твердою вѣрой, что Богъ поможетъ ему спасти погибающаго брата, и благополучно добирается до карниза подъ крышей. Держась одной рукой за трубу, онъ другою бросилъ несчастному конецъ каната и говоритъ: „Привяжи его, братецъ, хорошенько къ галлереѣ и спускайся по немъ сюда!“ Тотъ привязалъ канатъ и спустился по немъ до кар-

низа, а здѣсь ухватился за трубу и по ней, съ Божіей помощью, добрался до лѣстницы, по лѣстницѣ же оба благополучно спустились на землю . . .

Всѣ тѣснились къ тому мужику, обнимали и цѣловали его сердечно, богатые дарили ему деньги, потому что онъ былъ бѣдный рабочій.

— Такъ было угодно Богу, — говорилъ онъ, — не я спасъ его, но сила Божія!

И стали спрашивать его, какъ онъ на такомъ морозѣ могъ держаться руками за желѣзную трубу.

— Меня согрѣвала вѣра, — отвѣчалъ онъ. — Я думалъ не о рукахъ своихъ, а только о томъ, какъ спасти христіанскую душу . . .

Мужичка того звали **Василіемъ Манинымъ.**

Узналъ о его подвигѣ покойный императоръ Николай Павловичъ и велѣлъ позвать его къ себѣ. Когда Манинъ явился въ царскія палаты, царь вышелъ къ нему и сказалъ: „Мнѣ докладывали про тебя, что ты честный человѣкъ“. Потомъ нагнулся къ нему и сказалъ: „Поцѣлуй меня, братецъ!“

Василій поцѣловалъ царя въ щеку и сталъ разсказывать все подробно, какъ происходило то дѣло . Царь выслушалъ его благосклонно, потомъ пожаловалъ ему богатѣйшій подарокъ и сказалъ: "Какъ только случится тебѣ, Василій, быть въ Петроградѣ или нуждаться въ чемъ-нибудь, непремѣнно заходи ко мнѣ: я не оставлю тебя, потому что ты честный человѣкъ."

И вы всѣ, господа хозяева почтенные, прочитавъ это, скажете: „Василій Манинъ — честный человѣкъ! Онъ жертвовалъ жизнію за брата, за ближняго своего!“

Давайте же, изъ этой исторіи я выведу вамъ урокъ, пригодный для всѣхъ насъ.

Ахъ, братцы, вѣдь и у насъ говорятъ, страшный пожаръ свирѣпствуетъ по всей родной нашей сторонѣ! Спасеніе намъ нужно, притомъ скорое, неотложное спасеніе, ибо погибаемъ — мы, народъ русскій въ Галичинѣ, въ Буковинѣ и въ Угорщинѣ! Много-много тысячъ есть у насъ такихъ несчастныхъ, которыхъ со всѣхъ сторонъ охватываютъ уже долги, ростовщичество и всякая ненасытная жадность враговъ русскаго имени, какъ охватывалъ огонь тѣ три свои

жертвы на крышѣ московскаго театра.

Останавливаются люди, видятъ, что Русь наша погибаетъ, что ростовщики и всякіе чужеплеменники захватываютъ русскую землю въ свои руки, — смотрятъ, качаютъ головой и говорятъ: „Что можемъ мы тутъ подѣлать? Нѣтъ спасенія“.

Неужели же, братья, нѣтъ у насъ такихъ Василіевъ, которые бы скинули съ себя равнодушіе и лѣнь, измѣрили умственнымъ взоромъ силу и глубину грозной опасности, съ вѣрой перекрестились бы и бросились спасать погибающихъ братьевъ? Есть, слава Богу, есть! Хотя мало, недостаточно еще ихъ у насъ, но они у насъ уже есть! Многіе изъ васъ, дорогіе земляки, и не знаютъ, кто васъ любитъ, кто о васъ думаетъ, кто за васъ страдаетъ, кто душу свою полагалъ за васъ. Одни изъ этихъ истинно русскихъ людей какъ у насъ говорятъ, народолюбцевъ, легли уже въ могилу — вѣчная имъ память! — другіе трудятся для вашего добра перомъ, словомъ, по семинаріямъ, по бурсамъ, но въ сердцѣ ихъ живетъ уже любовь къ своему родному народу, который былъ столь несчастливъ изстари, униженъ, поруганъ, потоптанъ ногами, но все-таки до настоящей поры остается народомъ, не отрекается ни отъ какихъ человѣческихъ своихъ правъ и никѣмъ не можетъ быть лишенъ ихъ . . .

Ахъ, воистину горитъ у насъ, пламень истребительный насъ обнимаетъ! . . Постранствуйте по нашему краю, заверните въ какой-нибудь городъ да спросите: гдѣ наша Русь въ томъ городѣ? Вамъ непремѣнно скажутъ: „Не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ, эта улица почти что вся была русская Вонъ тотъ хуторъ принадлежалъ русскому, тѣ огороды, тѣ дома — все это составляло владѣніе русскихъ хозяевъ, а теперь ихъ уже нѣтъ, или, можетъ-быть, одинъ, двое осталось. Здѣсь на русской землѣ поселился чиновникъ (полякъ или нѣмецъ), тамъ кабатчикъ-еврей, въ третьемъ мѣстѣ — панокъ тотъ или этотъ, тутъ жидъ опять и тамъ жидъ, а Русь какъ будто сгорѣла, куда-то исчезла, — вытѣснили ее на задворки, на окраины городовъ, или и вовсе разбрелись русскіе люди въ разныя стороны, куда глаза глядятъ. Да и на окраины тѣснится уже жидова. Тутъ хозяиномъ уже сталъ одинъ жидъ или двое, тамъ третій захватилъ домишко еще только наполовину и живетъ черезъ сѣни съ

русскимъ- христіаниномъ. Недолго погостишь ты здѣсь, русскій братъ, — пойдешь вслѣдъ за тѣми, что ушли отсюда раньше тебя, и вся цѣликомъ хата станетъ жидовскою. Такіе же порядки заводятся нынче все болѣе и по селамъ. Въ прежнее время жидъ придерживался того предразсудка, будто бы ему нельзя заниматься сельскимъ хозяйствомъ и обработкой земли; нынче жиды кинулись къ землѣ — и притомъ къ самой лучшей . . . На плохую землю, гдѣ нужно тяжело работать, жидъ не льстится: онъ ищетъ земли покутской, коломыйской, подольской, буковинской) и старается захватить ея какъ можно больше . . .

Сердце болитъ, какъ посмотришь, что творится нынче у насъ по деревнямъ и селамъ! Проѣзжаю по большой дорогѣ изъ Снятина въ Городенку. Въ селѣ, у самой дороги громадная корчма; день рабочій; около корчмы огромная толпа народа — мужчинъ, женщинъ и молодежи обоего пола.

— Что же это вы, братцы, не въ полѣ, не на работѣ нынче?

— А что? . .

— Да то, что нынче день рабочій, — лѣтняя пора!

— Кто хочетъ, тотъ на работѣ, а кто не хочетъ — въ корчмѣ!

Несчастье! . . Триста десятинъ поля скупилъ одинъ жидокъ, сто десятинъ другой, сто десятинъ одинъ панокъ, грязь и нищета безпримѣрныя; въ селѣ большая половина дворовъ въ совершенномъ забросѣ и разореніи: ни забора, ни садика, ни строеній, а христіане въ рабочій день цѣлою толпой окружаютъ корчму! . .

Горитъ, братцы, горитъ! Черезъ десятокъ лѣтъ церковь совсѣмъ покосится на бокъ или упадетъ, избы разрушатся, жидова заберетъ все, кое-что развѣ уцѣлѣетъ, а лѣтъ черезъ 20 останется только преданіе, что въ этомъ селѣ были когда-то русскіе хозяева. Дескать, хозяйствовали прежде христіане, а теперь на ихъ мѣстѣ все жиды . . .

Горитъ, горитъ! Кто же защититъ тебя, поддержитъ и спасетъ, бѣдный ты, нашъ карпато-русскій народъ? Только тотъ, кто постоянно и повсюду твердитъ тебѣ и проситъ тебя: **не пей, брось кабакъ — корчму!**

ПОСТКАРТЫ—ОТКРЫТКИ.

У нас имѣются съ слѣдующими видами и портретами:

1. Иванъ Наумовичъ
   * 14 (26) янв. 1826. — † 4 (16) авг. 1891.
2. Иванъ Наумовичъ 1873 года.
3. Иванъ Наумовичъ 1882 года.
4. Иванъ Наумовичъ 1889 года.
5. Иванъ Наумовичъ 1863 года.
6. Иванъ Наумовичъ 1890 года.
7. Памятникъ Ивану Наумовичу на Аскольдовой могилѣ въ Кіевѣ.

№№ 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15, представляютъ шибеницѣ и разныи другіи виды якъ нѣмцы, мадьяры и мазепы а въ послѣднихъ часахъ и поляки мучили нашъ народъ въ Прикарпатью.

16. Група Карпаторусскихъ добровольцевъ въ Италіи.
17. Д-ръ Димитрій Андреевичъ Марковъ.
18. Свящ. Александръ Духновичъ.
19. Камень Довбуша въ Яремчѣ коло Делятина.
20. Довбушова скала въ Рѣчцѣ коло Коссова.
21. Памятникъ А. С. Пушкину въ селѣ Заболотовцяхъ, жидачевского повѣта.
22. Памятникъ на могилѣ крестьянъ погибшихъ при выборахъ 1907 г., въ селѣ Горуцку. Дрогобыцкій повѣтъ.
23. Адольфъ Ивановичъ Добрянскій.
24. Мирославъ Адольфовичъ Добрянскій.
25. Цѣлый Судъ Ивана Наумовича и тов. въ 1882 году, на одномъ портретѣ.
26. Крещеніе Руси 988 года.
27. Видъ русской сельской церкви за часовъ польской неволи въ Прикарпатской Руси.
28. Сватанье на селѣ.
29. Лѣтній вечеръ — сельскій музыкантъ и дѣвица.
30. Карпаторусская театральная дружина объѣзжавшая Россію передъ войною.
31. Лѣрвакъ зъ надъ Сяна. (Бандуристъ).
32. Весѣльная дружина изъ Покутья.
33. Дѣвчина пряде Кужѣль и хлопчикъ — пастушокъ.
34. Слѣпый бандуристъ съ лѣрою и хлопецъ «проводникъ»

35. Гуцулы-торговщики коновками и ихъ конь ... которомъ куча коновокъ.
36. Селянинъ, молодица и дѣвчина изъ надъ Днѣс...
37. Крестъ при дорозѣ, подъ нимъ слѣпый лѣр... и его проводаторъ, и четверо селянъ изъ тернополь... округа.
38. Весѣлье въ перпопольскомъ окрузѣ съ дарунк... до священника.
39. Два Лемки. Свѣчкаръ и торокаръ.
40. Цѣлая весѣльная дружина съ музыкою и весѣльною квѣткою изъ львовского округа.
41. Послы римского папы просятъ галицко-русского Князья Романа, щобы принялъ латинскую вѣру.
42. Осипъ Андреевичъ Марковъ.
43. Д-ръ Владиміръ Ѳ. Дудыкевичъ.
44. Терезинская Крѣпость.
45. Карпаторусская Дружина въ Прагѣ 1912 года.
46. Голгоѳа въ Прикарпатью.
47. Сельская хата въ Сяноччинѣ.
48. Лемко съ хлопцемъ изъ Сяноччины.
49. Карпаторусскій Конгрессъ въ Филадельфіи.
50. Д-ръ Д. А. Марковъ съ сотрудниками.

Посткарты продаются по 2 за 3 центы. 50 за 65 центовъ. Сотня (100) за $1.15.

Замовляющимъ большее Количество дается значная скидка. Кромѣ повызшихъ посткартъ есть много другихъ, тоже американскихъ, съ поздравленіями на разныи случаи и разныхъ сортовъ — дешевшіи и дорожшіи.

Гроши можно посылати «Моней-Ордеромъ» или наличными (готовкою) въ регистрованномъ письмѣ.

— Наша адреса: —

KNYHOPECHATNIA NAUMOVICHA

112 E. 7th Street, New York, N. Y.

